

ГЕРЦЕН В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1861 г.

ПИСЬМА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ В. П. БУТКОВА К ШЕФУ ЖАНДАРМОВ
кн. В. А. ДОЛГОРУКОВУ

Сообщение Н. Г. Розенблюма

В мае 1861 г. занемогла младшая дочь Герцена Ольга, жившая со своей воспитательницей Мальвидой Мейзенбуг в Париже. Герцен, которому был запрещен въезд во Францию, обратился к властям с просьбой разрешить ему кратковременную поездку в Париж. После первоначального отказа он получил согласие и 21 июня приехал, вместе со старшей дочерью Татой, во французскую столицу. Он пробыл здесь немногим более двух недель и 6—8 июля вернулся с семьей в Лондон. В «Былом и думах», в главе «La belle France» Герцен рассказал о своих впечатлениях от нового и враждебного ему Парижа Второй империи. «Тяжело мне было в Париже, — писал Герцен, — и я только свободно вздохнул, когда через месяц, сквозь дождь и туман, опять увидел грязно-белые меловые берега Англии. Все, что жало, как узкие башмаки, при Людовике-Филиппе, жало теперь, как колодка <...> Это не тот Париж, который я любил и ненавидел, не тот, в который я стремился с детства, не тот, который покидал с проклятием на губах. Это — Париж, утративший свою личность, равнодушный, откинувший. Сильная рука давила его везде и всякую минуту готова была притянуть вожжи, но это было не нужно: Париж *принял tout de bon* * вторую империю, у него едва оставались наружные привычки прежнего времени» (XIV, 747).

Герцен сам сообщил очень мало о своей парижской поездке 1861 г. Некоторые дополнения к его собственным указаниям в «Былом и думах» и в письмах, содержатся в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой и Н. А. Белоголового. Сейчас мы имеем возможность познакомить читателей еще с одним источником, в котором содержатся сведения, относящиеся к этой малоизвестной странице в биографии Герцена.

Мы публикуем, в извлечениях, три письма из Парижа статс-секретаря В. П. Буткова к начальнику III Отделения кн. В. А. Долгорукову, относящиеся к августу 1861 г. Государственный секретарь Российской империи, человек, лично близкий к царю, в недалеком будущем один из главных деятелей судебной реформы, выступает в этих письмах в необычной для сановника его ранга и положения роли добровольного осведомителя шефа жандармов.

Бутков не называет тех «довольно верных и положительных источников», из которых он почерпнул свои сообщения о Герцене и его сотрудниках. Следует полагать, что в большей своей части эти сообщения восходят к агентурным сведениям французской политической полиции, следившей за каждым шагом Герцена в Париже. В первом из публикуемых писем Бутков извещает своего корреспондента: «Во время пребывания здесь Герцен был под наблюдением». Результаты этих наблюдений, вероятно, и суммируются в письмах Буткова.

Как всякие сведения, основанные на агентурных донесениях политической полиции, сообщения Буткова требуют, разумеется, осторожного к себе отношения.

Письма публикуются по подлинникам ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92, лл. 4—6, 10—12, 25—26.

* всерьез (франц.).

Секретно

Париж. $\frac{7 \text{ августа}}{26 \text{ июля}}$ 1861 г.

...После посещения всех исчисленных вод я прибыл в Париж. Здесь теперь немного противу обыкновенного русских <...> В Париже я старался узнать о пребывании здесь Герцена и вот что я узнал из разных, довольно верных и положительных источников.

Герцен желал быть в Париже сам по своим делам. Хлопотали о дозволении ему приехать сюда покойный Чарторижский и особенно граф Браницкий. Император дал это позволение, но с тем, чтобы Герцен не вмешивался ни в какие политические дела¹. Он приехал сюда с старшею дочерью, которая очень недурна собою. Он пробыл в Париже около 10 дней, осматривал весь Париж и все его постройки, был в Мабиле², где видели его многие русские, но никто из них с ним не ходил и не говорил. Чаше всех русских он виделся с знаменитым князем Николаем Ивановичем Трубецким, который теперь курьером отправился в Петербург³. Герцен был у нашего (кавказского) Ханькова, но не застал его дома. Ханьков отдал ему визит, но тоже не застал⁴. Преимущественно Герцен виделся с поляками. Обед Герцену давал князь Н. И. Трубецкой. На этом обеде было всего 5 человек. Сам князь, Герцен с дочерью, Ханьков и Боткин (сочинитель писем об Испании, московский купец, находящийся в чухотке, живший зиму во Флоренции, а теперь здесь)⁵.

Князь Трубецкой и Ханьков преимущественно старались за обедом уговаривать Герцена оставить его путь, но он был непреклонен и раздражителен. Его мучит мысль, что с его смертью кончится в его семье роль агитатора. Сын его, как говорят, чрезвычайно любит Россию, мало разделяет идеи отца, вовсе не занимается политическими вопросами, пристрастился к ботанике и зоологии и теперь поехал с профессором Фохтом в Норвегию собирать растения⁶. Старшая дочь Герцена, бывшая в Париже, только и думает о России. Герцену хочется выдать ее замуж за русского. Она говорила здесь, что хочет писать сама прямо государю и просить его позволения приехать ей одной в Россию по следующему обстоятельству: какая-то есть деревня, Герцену принадлежавшая, доходы с которой будто бы поступают в ваше III Отделение*. Этих доходов за все время она с отцом насчитывают до 120 тысяч франков⁷. Сумму эту Герцен назначил ей в приданое, если оную ей выдадут. Об этом-то она и хочет хлопотать. Но между тем дела Герцена находятся теперь в опасном положении, самая большая часть его капиталов в Америке, и он страшно боится за потерю их.

Во время пребывания здесь Герцен был под наблюдением. Поляки поднесли ему благодарственный адрес за выраженное им сочувствие к Польше, и, едва получив адрес, Герцен поспешил уехать из Парижа.

За обедом у Трубецкого Герцену делали сильные упреки за его намерение относительно восстановления всей Польши, но он отвечал, что увлекся идеями поляков, но что на последнем митинге поляков в Лондоне он положительно выразил, что восстановление возможно только в тех русских присоединенных от Польши провинциях, население коих само пожелает этого⁸.

О своих сотрудниках Герцен говорил, что Огарев находится теперь в стесненном положении, а что Кельцев, дьякон Афинской церкви, издавший сочинение о раскольниках, отправился в Норвегию, где намерен в северной ее части, по соседству с нашею Архангельской губернией,

* *Помета рукой В. А. Долгорукова: Я наведу об этом справку, но сомневаюсь.*

завести русскую типографию и издавать там русскую газету, предназначенную им исключительно для распространения между раскольниками, которых очень много и в Архангельской и в Олонецкой губерниях⁹.

Герцен жаловался вообще на затруднительность иметь корреспондентов в России, говорил, что ныне менее было у него русских, чем прежде, и относил все это к строгости правительства. Вот все, что я до сих пор мог узнать о пребывании здесь Герцена; впрочем, если еще что-нибудь узнаю, то вам напишу <...>*

¹ Историю о том, как ему удалось попасть в 1861 г. в Париж, Герцен рассказал в «Былом и думах», в главе «La belle France» (XIV, 742—743).

² *Мабиль* (Bal Mabil) — танцевальный зал в Париже, пользовавшийся [популярностью в 1840—1870-х гг.

³ Князь Николай Иванович *Трубецкой* (1804—1874). С начала 1850-х годов он жил во Франции и там перешел в католичество, хотя считал себя приверженцем славянофилов. Издал во Франции ряд брошюр о политической жизни России. Герцен называл их «глупыми». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 582.

⁴ Николай Владимирович *Ханыков* (1822—1878) — известный ученый-востоковед. Он служил в дипломатической канцелярии Главного управления Закавказского края, почему Бутков и называет его «кавказским». С начала 60-х годов жил в Париже. О нем и его взаимоотношениях с Герценом см. в «Лит. наследстве», т. 62, стр. 699—701. Вскоре после отъезда Герцена из Парижа, 13 июля 1861 г., Ханыков писал Н. А. Милютину: «Здесь после вашего отъезда новости были те, что приезжал Герцен, против которого составился и открылся заговор, будто зародившийся в Германии! Кроме того, ходили слухи, что его попробовали отравить, но что он во-время принял противоядие и отделался коликами. Сколько в этом правды, богу известно» (ГИБ, собр. Вакселя, ед. хр. 4581, л. 1).

⁵ Сведения о встрече В. П. Боткина на обеде у кн. Н. И. Трубецкого с Герценом Долгоруков имел, очевидно, еще до сообщения Буткова. В личном фонде кн. В. А. Долгорукова (ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92, л. 27) имеется справка от 28 июля 1861 г.:

«Василий Петрович Боткин, московский почетный гражданин. В 1845 г. он печатал в „Современнике“ письма об Испании, которые изданы отдельною книгой в 1857 г. Как это сочинение, так и другие статьи его, изредка помещавшиеся в разных журналах, не заключают в себе ничего неблагонамеренного. О поездке за границу Боткина сведений в III Отделении не имеется».

⁶ Сын Герцена действительно хотел в это время вернуться в Россию, и Герцен был «не прочь его отпустить» на определенных условиях (XV, 15—16). Сообщение, что А. А. Герцен «вовсе не занимается политическими вопросами», не совсем верно. Он принимал в это время довольно активное участие в революционной работе. В поездку по Норвегии и Исландии А. А. Герцен отправился вместе с К. Фогтом 12 мая и вернулся в октябре 1861 г.

⁷ Сообщение Буткова о доходах с принадлежавшего Герцену костромского имения, будто бы поступавших в III Отделение, не осталось без отклика. Письмо Буткова было получено Долгоруковым 31 июля, о чем имеется помета на письме, а уже 4 августа последовал приказ царя узнать «о положении капитала Герцена». 21 августа московский генерал-губернатор уведомил III Отделение, что все капиталы Герцена были переданы в 1853 г. в Чухломскую опеку (XXII, 316—317). Подробнее см. об этом в настоящем томе, в публикации писем Е. И. Герцена к М. К. Рейхель.

⁸ В статье «Vivat Polonia», появившейся в л. 94 «Колокола» (от 15 марта 1861 г.), Герцен указывал, что на очереди стоит вопрос о «государственной самобытности Польши и соединении отрезанных частей ее» (XI, 50). Эти требования Герцен повторял в каждом своем выступлении по польскому вопросу.

⁹ *Кельцеве* — Василий Иванович Кельсиев. См. о нем и о его отношениях с Герценом и Огаревым в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 159—218. Проект устройства типографии в северной части Норвегии с целью издания русской газеты для раскольников действительно существовал. Однако дальше проекта дело не пошло, и Кельсиев в Норвегию не ездил. См. об этом в «Исповеди» Кельсиева («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 292—293).

В комментируемом письме Бутков спутал Кельсиева с Агапием Гончаренко, дьяконом афинской церкви, бежавшим от преследований в Лондон, где он работал наборщиком в Вольной русской типографии. В отчете шефа жандармов за 1861 г., представленном царю в начале 1862 г., упоминалось о некоем Олимпии, бывшем дьяконе при российском посольстве в Афинах, продолжающем «заниматься у Герцена» (XI, 376). См. следующее письмо Буткова.

* Внизу помета рукой сотрудника III Отделения о чтении письма царем: рагаб А II.

Париж $\frac{29 \text{ июля}}{10 \text{ августа}}$ 1861 г.

В дополнение к тому письму, которое я отправил на этой неделе к вашему сиятельству, считаю долгом сообщить еще следующее:

Ханыков и Боткин, быв приглашены князем Н. И. Трубецким на обед с Герценом, вовсе не знали, что на этом обеде будет Герцен. Князь в своей записке ничего об этом не сказал. Поэтому винить их в участии в этом обеде не следует. Обед происходил не в Париже, а в Фонтенебло.

Адрес, поданный Герцену поляками, подписан 240 лицами. Все подписавшие адрес лично подали оный ему, целою толпою заперудили улицу, где жил Герцен, и заставили полицию велеть толпе разойтись¹.

Герцен рассказывал, что к нему беспрестанно являются русские в Лондоне за деньгами и что очень немногие из приезжающих к нему русских не занимали у него денег. Между прочим упоминал он о каком-то Тулубьеве, который, служа прежде под Севастополем, ушел оттуда, явился к Герцену, сообщил ему некоторые сведения о минувшей кампании, занял у него в разное время до 3 тысяч франков, уехал из Лондона, не заплатив денег и даже не простясь, явился к Гарибальди от имени Герцена и имел дерзость просить потом Герцена рекомендовать его Гарибальди, но Герцен написал к Гарибальди, чтобы тот не только не принимал Тулубьева, но велел бы его пристрелить при первом случае².

Последний из русских, поступивших к Герцену, был какой-то князь Трубецкой, служивший адъютантом при ком-то в Варшаве. Герцен дал ему место наборщика в типографии³.

Кельцьев, уехавший в Норвегию для издания там русского журнала⁴, вовсе не дьякон Афинской церкви, как я вам писал, но чиновник Министерства внутренних дел. Типографию свою он хотел открыть в Христиании или в Дортмунде. Корреспондентом его какой-то чиновник раскольникового отделения в Министерстве внутренних дел. Фамилию я постараюсь узнать.

Книгу, напечатанную в 1860 году за границею под названием «Материалы для истории освобождения помещичьих крестьян в России», где мы все так жестоко разруганы, составил и напечатал тоже чиновник Министерства внутр<енних> дел — немецкой фамилии, командированный в 1860 году Министерством на казенный счет за границу по табачному делу. Фамилию его я вам также узнаю<...>⁵

Я вижу с Убри⁶ довольно часто, но вообще и он и прочие чины всех наших посольств знают очень немного из того, что делается вне официальной их сферы. Яков Толстой играет здесь роль самую ничтожную: я убежден в полной его беспомощности*. Говорят также люди довольно верные, что лондонский агент очень мало сведущ. Не знаю, как в Лондоне, но в Париже знать всё, что делается, право, нетрудно: это город сплетней<...>

¹ Об этом адресе, в отличие от сообщения Буткова, Герцен писал: «Четвертого июля несколько польских изгнанников пришли ко мне от имени своих товарищей, живущих во Франции, чтоб братски пожать руку и в моем лице сказать спасибо русским, разделяющим наше мнение о правоте польского дела. Они вручили мне адрес, подписанный *четырьмястами тридцатью шестью* польскими изгнанниками, живущими в Париже» (XI, 156).

Сведения о посещении поляками Герцена нашли отражение и в отчете шефа жандармов царю за 1861 г., где указывалось, что «Герцен был в июне месяце в Париже <...> Ему сделана была в Париже овация со стороны польских выходцев, соединившихся для сего в числе до 500 человек...» (XI, 375).

² В письме к М. Мейзенбург от 18 января 1857 г. Герцен писал: «...Не давайте

* *Помета рукой царя Александра II: И я тоже.*

денег Тулубьеву — у меня есть на это основания» (VIII, 394). В письме к ней же от 24 января 1858 г.: «Он не разделяет ни одного из наших мнений» (IX, 117).

³ Князь Николай Платонович *Трубецкой* — штабс-капитан гвардейской артиллерии, адъютант герцога Мекленбургского. К Герцену явился в конце 1860 г. и работал некоторое время наборщиком. Дальнейшие сведения о его жизни отрывочны и противоречивы. По указанию Лемке, Трубецкой ездил в 1862 г. в Россию, где принимал участие в организации «Земли и воли», помогая польскому революционеру Сигизмунду Падлевскому (XI, 30 и «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 609). О близости Трубецкого с Падлевским говорится также в книжке члена Виленской особой следственной по политическим делам комиссии Н. В. Гогеля «Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа» (Вильно, 1867, изд. 2, стр. 122—123 и 135). В ней Гогель сообщает ряд сведений о Трубецком и приводит показание «одного из сотрудников Огрызки» о своем посещении в Петербурге Падлевского, где он застал уезжающего в Лондон Трубецкого за подготовкой совместно с Падлевским статьи для опубликования в «Колоколе».

⁴ См. примеч. 9 к письму № 1.

⁵ Книга «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» была издана в 1860 г. в Берлине товарищем министра государственных имуществ Дмитрием Петровичем Хрущовым (X, 443). 9 ноября 1860 г. Герцен писал Тургеневу: «Не знаешь ли ты, любезный Тургенев, кто издал „Исторические материалы по делу об освобождении крестьян“ в Берлине? Замечательно хорошо и умно составленная книга...».

⁶ Павел Петрович *Убри* — первый советник посольства в Париже с 1856 г. Яков Николаевич *Толстой* — сотрудник посольства, парижский агент III Отделения (см. «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 563—562). О нем Бутков в одном из неопубликованных писем 1861 г. к кн. В. А. Долгорукову писал: «Агент наш в Париже Яков Толстой напечатал брошюру в нашу защиту, но эта брошюра так слаба, что лучше было бы не издавать ее вовсе» (ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92).

3

⟨Петербург.⟩ Суббота, 26 августа 1861 г.

...Из Дрездена я отправился чрез Берлин, Ковно в СПбург, куда прибыл 23 августа. Но прежде чем опишу вашему сиятельству мою дорогу, расскажу вам, что узнал в последние дни моего пребывания в Париже.

За три дня до моего отъезда из Парижа возвратился из Баден-Бадена граф П. Д. Киселев с братом его Николаем¹. Он встретил меня как родного сына и заставил бывать у него ежедневно. Беседовали мы о многом, но, конечно, более всего о польском вопросе. ⟨...⟩ Все случившееся в Польше и случающееся в Европе гр. Киселев относит к силе и действиям тайных обществ. Корень и основание их в Италии, ветви пущены повсюду; в Польше они сильны, в России только начинаются.

При этом сказали мне, что Герцен принадлежит к числу деятельных членов тайных обществ. Я старался узнать, не предлагает ли он русским вступать в сии общества, но мне положительно сказали люди, хорошо знающие Герцена, что он не скрывает своего участия в тайных обществах, но говорит всегда, что никого из русских не звал в общества, зная что это может быть губительно для участников, живущих в России ⟨...⟩²

В Париже сказали мне, что ваше сиятельство будто командировали за границу г. Геденштрёма для собрания сведений относительно Герцена и русских выходцев. Не скрою от вас, что лучше было бы послать для этого лицо частное, к III Отделению не принадлежащее. Не так скоро узнали бы о цели командировки ⟨...⟩³

¹ Павел Дмитриевич *Киселев* — посол в Париже с 1856 по 1862 г. Николай Дмитриевич *Киселев* — посол при папском дворе с 1856 по 1864 г.

² Кельсиев в своей «Исповеди», рассказывая о том, что «твердил он ⟨Герцен⟩ каждому приезжему о тайных обществах, почти дословно повторяет слова Буткова («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 280).

³ *Геденштрём* — несомненно Александр Карлович Гедерштерн, сотрудник III Отделения. Еще в 1858 г. в заметке «Предостережения» Герцен писал: «Старший чиновник III Отделения, действительный статский советник Гедерштерн, путешествует по Европе с специально-учеными целями» (IX, 341). Сообщал он о нем и весной 1860 г. в заметке: «Тайный советник в квадрате» (X, 315).